

Уходящая корнями в древнекрестьянскую обрядовую поэзию, в избранных произведениях созвучная средневековым повестям, обогащённая классической словесностью, *деревенская* проза и поэзия прошлого века в сравнении с *дворянской*, *разночинной* более полно и правдиво выразила русский народ, что до начала прошлого века был сплошь крестьянским. Прочие сословия, что звёздная пыль в крестьянской Вселенной... Крестьянство же, хотя и не без греха, являлось духовно-нравственным, творчески созидательным стержнем русской нации. «Когда, говорят “русский народ”, а всегда, думаю – “«русский крестьянин”, – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я – знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность»¹.

Деревенская проза – гаснущее эхо двухтысячелетней, необозримой и непостижимой, как Вселенная, крестьянской обрядовой поэзии, что, язычески владея землёй, по святому крещению обрела и небо.

...Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Сын Божий говорит не *научнообразно*, в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцвечивая речь пословицами и поговорками; по воле Божией сей горный, благолепный речевой лад обретали апостолы, святые отцы, старцы-наставники, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, а в избранных произведениях и мирские писатели, подобные Ивану Шмелёву, и даже *деревенщики*, подобные Борису Шергину, Василию Белову, Владимиру Личутину.

¹ Куприн А. И. Полное собрание сочинений: в 10 томах (11 книгах). М.: Воскресение, 2006–2007.

Русская народная словесность, на ниве которой вырелась *деревенская* проза, подобна природе. Величайший художник всех времён и народов напишет гениальный пейзаж – река, приречная поляна в разноцветье-разнотравье, а за рекой в сизой дымке таёжные хребты, увенчанные облаками, а выше – синь небесная, – запечатлеет се живописец, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы; природа же – Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, – останется не вмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная, суть, крестьянская, языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом, прозаическом слове – в эпосе, былине, песне, житийном мифе и заговорной молитовке, в причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в поговорке и пословице, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бедные и бледные, так и бессильно, тускло, квёло книжное слово перед исконным крестьянским. Недаром чародей поэтической речи, сплётший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью вздохнул: «Русское слово в книге молчит... Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?...»¹

У Пушкина, гения всех времён и народов, руки опускались перед крестьянским словом, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не только Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, – суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками.

Александр Пушкин, предтеча народных поэтов минувшего века и писателей-*деревенщиков*, лишь коснулся поэтическим крылом многовекового крестьянского мира, что вмещает в себя купеческий и казачий, и тут же вознёсся над блистательными дворянскими поэтами. Пушкин тем и возвысился над талантливыми поэтами *золотого века*, что стал истинно русским, истинно народным, ибо, вырвавшись из офранцузенных дворянских поместий в крестьянские поля, сумел душой и речью прибиться к народу русскому, – суть, православному крестьянству, кое составляло почти девяносто процентов российского населения.

Но и Пушкин скорбел: де, народная поэзия, увы, непосильна книжной, что и выразил Владимиру Далю: «Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?... Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»².

Некий любомудр... кажется, Валентин Распутин... изрёк: мол, если бы в няньках у Пушкина жила не крестьянка Арина Родионовна, а бесноватая певичка П., то из Пушкина вырос бы Дантес. Под образом Арины Родионовны разумелся образ русского народа, который, снова напомню, по царским временам был сплошь крестьянским... Возможно, из Пушкина вышел бы блистательный *дворянский* стихотворец *золотого века*, не превосходящий собратьев по гусиному перу, но Пушкин вырос в *русского народного* поэта, ибо пробился духом и словом в крестьянскую вселенную, полюбил крестьянство всем сердцем, воспел во всю силу своего поэтического дара.

Фёдор Достоевский говорил: «И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. (...) Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идёт рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплотившийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его...»³

Напомним, что граф Толстой из любви к русскому крестьянству пошёл дальше преклонения перед величавым народным словом: Лев Николаевич страстно возжелал преобразиться из потомственного столбового дворянина в деревенского мужика; недаром же, яко оратай Микула Селянинович, орал пашню богатырской сохой, недаром же открыл сельскую школу и на крестьянский лад сочинил «Азбуку» и «Четыре русские книги для чтения».

¹ Шергин Б. В. Древние памяти. М.: Художественная литература, 1989.

² Бертенев П. И. Рассказы о Пушкине. М., 1973.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // ПСС: в 30 томах, т. 26.

Валентин Распутин писал: «У нас едва ж не вся Россия вышла из деревни. Народный организм развивался здесь естественно, традиции вынашивались веками, пахарь неспроста облёкся именем христианин. Город размагывал, вёл противоестественную жизнь, поддавался чужестранным сеяниям и веяниям; деревня хранила, пополняла, выправляла и вымаливала. И город, проматывая, знал, материнская Россия там, в деревне, в простоте и чистоте своего чувства не оставит, когда потребует помощь. Да и великая русская литература, если всмотреться, вышла не из Пушкина или Гоголя, а вышла она из деревни – из Михайловского и Болдина, из Тархан... из Ясной Поляны и Спасского-Лутовинова... Никакое общество, сколь бы могучим оно не представлялось себе, не сможет долго продержаться в силе и здравии, если оно откажется от вековых традиций и уставов своего народа. Это всё равно, что, подрубив корни, уповать на ветви. (...) Художественная культура без культуры народной, без её языка и напевов, без щедрости душевной и красоты, без решительного разведения в разные стороны добра и зла не поднялась бы так высоко и не увенчалась бы столь сияющим нравственным ореолом. Быть может, в последний раз тогда, двадцать лет назад, перекликаясь из книги в книгу, из земли в землю, прозвучала так нежно и чисто народная речь. Личутины с их чудным старословием будут уже одиночками, а это вышел хор: Ф. Абрамов, В. Белов, В. Астафьев, Е. Носов, В. Шукшин, Б. Можаяев, В. Лихоносов и В. Потанин и многие другие. Не ряженными вышли под народ, а плоть от плоти народа...»¹

Деревенские мужики и бабы полагали: где *просто*, там ангелов до ста, а где сложно, там бесов до ста. Русские *простые* люди, особо из пахотных крестьян, в прошлом веке пережив две опустошительные войны, очнувшись, окрепнув, в последней четверти двадцатого столетия такие творили чудеса, что и всесветные русофобы в тревоге дивились на Российскую империю, пусть о ту пору даже и безбожную. Не случайно Шукшинский Чудик в споре с кичливой горожанкой горделиво воскликнул: «Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в чёрной рамке, так смотришь, – выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошёл работать».

Для русского народа годы правления Леонида Брежнева – не годы застоя, как внушают доморощенные супостаты, но – эпоха величавого творческого всплеска в русском народе, когда в культуру, науку, просвещение, в гражданское и военное дело, в управление государством явился истинный цвет нации – мужики от сохи и бороны... Василий Белов, да и Распутин и Личутин, – выходцы из бедных послевоенных крестьянских семей, когда российский народ, туго затянув кушаки, воскрешал Россию из праха и пепла. А в Брежневскую эпоху, когда Россия державно окрепла, и вознеслась над мировой литературой *деревенская* проза, которую русский народ вынашивал столетия.

Деревенскую прозу предрёк Фёдор Достоевский ещё в 1871 году. В то лето Фёдор Достоевский пишет Николаю Страхову: «*А знаете – ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), – но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, ещё не было... Когда народ, как он твёрдо встанет, он проявит своего Пушкина...*»²

И народ *проявил* своего Пушкина: через полтора столетия в русскую литературу вошли певцы крестьянского мира, словно певчие в храм искусств. Вначале по-деревенски робко и стеснительно... лапотники же, деревенские катанки... а в семидесятые, восьмидесятые во всю отчаянно-печальную удаль явилась в русском искусстве *деревенская проза* – суть, русская простонародная: Борис Шергин, Василий Шукшин, Фёдор Абрамов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин и, примыкающая к *деревенщикам*, добрая дюжина писателей, чьи избранные сочинения порой не уступали и произведениям вышепомянутых писателей.

И в прозе второй половины XIX века водились добротные сочинители из мужиков, скорбные выразители угнетённого крестьянского мира, но писатели прошлого века, прозванные *деревенскими*, и духом, и словом вознеслись над старокрестьянскими. А с точки зрения *русскости* и *народности* избранные произведения *деревенщиков* прошлого века даже и превосходили иные дворянские сочинения, именованные классическими.

¹ Распутин В. Г. У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы. М.: Институт русской цивилизации. Серия: Русская цивилизация, 2015.

² Сайт: библиотека классической и современной прозы.

Невзирая на строгий домострой, с кнутом и пряником стерегущую народную нравственность, – моральный кодекс строителя земного рая, списанный без Бога с Христовых заповедей, – несмотря на суровую цензуру, заради трудового вселенского побратимства нещадно карающую буржуйский индивидуализм, космополитизм, демонический декаданс в искусстве, несмотря на *холодную войну* с лукавым Западом, исподволь засеявшим грядущее предательство в прозападной властной элите и смуту в художественных творческих душах, несмотря на деревенскую стужу и нужу, – шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы минувшего века... особенно эпоха брежневского *застоя*... оказались благословенными для русского искусства XX века. Случилось нечто подобное имперскому всплеску в нации; и в эти счастливые для искусства времена в небесах мировой литературы засияла *деревенская проза*...

В отличие от русскоязычной, – не чующей ни духа, ни слова народного, не жалеющей ради хлёбского словца ни мать, ни отца, – *деревенская проза*, зазвучав по всей России-матушке, словно вечевым набатом, отозвалась во всякой живой русской душе. Деревня приманивала, волновала, радовала и кручинила наших писателей, как островок, где ещё теплилась *русскость*, где ещё дивом дивным, чудом чудным выжила совесть, предтеча покаянной любви ко Всевышнему, где народ ещё помнил тысячелетнее величавое сказовое, песенное слово, ещё не выронил из рук самобытное художественное ремесло. В *деревенской прозе* и выразилось поклонное единение писателей с русской народной жизнью, с народной этикой и народной совестью; дух совести и красоты народная проза и запечатлела.

Писателей-*деревенщиков*, воспевших народную совесть, уже при жизни величали совестью нации. Хотя полагаю, что столь высоко можно величать лишь русских святых отцов, подобных преподобному Серафиму Саровскому, тем не менее, думаю, что в русской прозе второй половины прошлого века ближе к величанию *совесть нации* были Василий Шукшин и Василий Белов, воистину русские народные писатели. И не простым *деревенщиком* вошёл в литературу Белов, но – *крестьянским* писателем, ибо в повестях и сказах, в книге очерков «Лад» с любовью сыновьей воспел крестьянский мир в его дольней и горней мудрости, в его необозримом и сверхгениальном устном поэтическом слове.

После крушения Народной Империи, либерально-космополитическая власть загнала в катакомбы русскую традиционную народную литературу, видя в ней оберег русского народного характера. Разумеется, власть не могла откеститься от выдающихся народных писателей, и здравствующих, и почивших в Бозе, таких как Шолохов, Шукшин, Абрамов, Рубцов, Астафьев, Носов, Белов, Распутин, Личутин, ибо имена их уже в советскую пору прославились на весь белый свет. Либерально-космополитическая власть исподволь дала понять, что на прославленных именах народная литература и завершилась, пришло время.

Ясно, когда властвующая нежить заживо погребала в родимой земле мало ведомых, но истинно народных писателей, словно полонённых и угнанных в чужедальные, неласковые земли, но и бывалые русские писатели, в томлении усталого духа изжившие творческий азарт, о ту пору стали прилюдно хоронить *деревенскую* прозу: дескать, выпало из наших утомлённых рук народное слово, некому подхватить, а значит, грядёт пустота на словесной русской ниве. Но, увы, не запустошить свято место – насеет анчутка беспятый чаровную разрыв-траву...

Когда матёрые писатели и критики, что в их услужении, хоронили *деревенскую прозу*, я слушал зауспокойное слово с мертвящей душу печалью, словно моё писательское поколение, среди коего безымянно прозябают дивные дарования, без исповеди, святого причастия и соборования живьём увалили в топорно рубленную домовину, заколотили крышку гробовую и, несмотря на вопли: «отцы родимые, ведь мы живые!..» – кинули в студёную яму, куда с обвальным грохотом полетели комья мёрзлой глины.

И уж, вроде, под кликушеские вопли плачи похоронили русскую традиционную литературу, и уж, вроде, крест дубовый водрузили на могиле, но вдруг дивом дивным, чудом чудным, словно берёзы посреди чёрной гари, являлись русские писатели из поколения, идущего вослед Белову и Распутину, с мудрым и ярким народным словом, и думалось: ох, раненько мы понесли на погост традиционную русскую литературу, жить ей да жить... вопреки русскоязычной власти, во благо и славу русского народа.